

УДК 32

**«ИСЛАМСКОЕ ГОСУДАРСТВО»: ИДЕОЛОГИЯ, СТРУКТУРА,
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА, КАНАЛЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ**

- Добаев Игорь Прокопьевич** доктор философских наук, профессор, эксперт Российской академии наук, Южный федеральный университет (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160). E-mail: dobaev@gmail.com
- Добаев Андрей Игоревич** кандидат экономических наук, эксперт Центра региональных исследований Института социологии и регионоведения, Южный федеральный университет (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160). E-mail: andrros@gmail.com

Аннотация

В статье представлены основные причины появления и развития радикальной исламистской группировки, ставшей широко известной как «Исламское государство» (ИГ). Выявлены основные идеологические конструкты ИГ, его структура, в контексте глобальных и региональных целей определена специфическая политическая практика, а также каналы экономической подпитки. В результате установлено, что по всем этим параметрам лидеры ИГ не разработали ничего нового, оригинального, что отличало бы их от представителей других современных экстремистских организаций, начиная от египетских «Братьев-мусульман» и завершая «Аль-Каидой». Сделан вывод о том, что говорить об упадке и стагнации радикального исламистского движения в мире преждевременно.

Ключевые слова: «исламское государство», исламизм, радикализм, экстремизм, терроризм, такфир, джихад.

Уже несколько десятилетий внимание ученых фокусируется на изучении неправительственных религиозно-политических организаций (НРПО) исламистской направленности, продуцирующих религиозно-политический экстремизм и терроризм, прикрывающийся исламом. Исследователей современного терроризма и связанных с ним проблем, прежде всего, интересует динамика изменений, обусловленных формированием идеологических доктрин радикальных исламистов, их организационных структур, форм и методов осуществления ими специфической политической практики, а также вопросы финансовой подпитки терроризма [1, с.133]. В этой связи проведем анализ указанных четырех сфер, поддерживающих современный терроризм в мире, применительно к «ДАИШ» («ИГИЛ»), что в переводе с арабского на русский язык звучит как «Исламское государство Ирака и Леванта». Сегодня данная группировка известна как «Исламское государство» (ИГ).

ИГ возникло в 2006 г. в период оккупации Ирака войсками США и их союзников. В то время эта суннитская исламистская группировка называлась «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ) и ставило своей целью борьбу с оккупационными силами (Левант является латинским переводом арабского географического названия аш-Шам, обозначающего современные Сирию, Ливан, Палестину и часть Иордании). После начала гражданского конфликта в Сирии в 2011 г. часть формирований ИГИЛ вошла на сирийскую территорию и присоединилась к действиям вооруженной сирийской оппозиции против правительственной армии. Боевики ИГИЛ захватили на территории Сирии часть отдаленной провинции Ракка, где объявили о введении законов шариата. Характерно, что действия ИГИЛ, как и других оппозиционных сил, в то время поддерживались странами НАТО и монархиями Персидского Залива, выступавшими за свержение президента Сирии – Б. Асада [2, с. 10-14].

В августе 2014 г. боевики ИГИЛ, используя недовольство части суннитских племен на севере Ирака преобладанием шиитов в руководстве страны и ущемлением прав суннитов, вмешались в конфликт между суннитской общиной и правительством Нури аль-Малики, предприняли успешное наступление вглубь Ирака и захватили ряд городов, в том числе второй по величине иракский город Мосул. В захваченных районах ИГИЛ начало практиковать репрессии и террор по отношению к этническим и конфессиональным меньшинствам (курдам, мусульманам-шиитам, езидам, христианам). Боевики ИГИЛ даже пытались распространить свое наступление на Ливан, угрожали Иордании. Через некоторое время эта террористическая группировка провозгласила

на захваченных территориях Ирака и Сирии «Исламское государство» (ИГ), руководителем которого был объявлен лидер ИГИЛ - Абу Бакр аль-Багдади [3, с. 86].

Стремясь к развитию военного успеха, боевики ИГ предприняли наступление в направлении Киркука в районе нефтяных месторождений Иракского Курдистана, но были остановлены курдскими вооруженными формированиями «пешмерга». Ведущие страны НАТО во главе с США заявили о своей поддержке курдов в их противостоянии с ИГ и приступили к поставкам военного снаряжения в Иракский Курдистан, который после краха режима Саддама Хусейна получил широкую автономию и де-факто (но не де-юре) является самостоятельным государственным образованием. В тот период времени США, Евросоюз и Израиль фактически подталкивали курдов к независимости, планируя превратить будущее независимое курдское государство во влиятельную прозападную силу в регионе. Военно-политическая поддержка Западом курдов в их противостоянии с ИГ была обусловлена также тем, что наступление ИГ угрожало нефтеносному району Киркука и городу Эрбиль, столице Курдистана, где находятся представительства многих западных компаний.

Как следствие, Вашингтон и Лондон заявили о начале бомбардировок территорий, контролируемых ИГ, а также о создании коалиции из 40 государств (участие в коалиции Ирана и Сирии инициаторами ее образования исключалась) для борьбы с этой группировкой. Одновременно США до сих пор подвергают бомбардировке позиции ИГ не только на территории Ирака, но и Сирии, причем без ведома официальных властей этих стран. Таким образом, совершенно очевидно, что все действия США в плоскости борьбы с «Исламским государством» подтверждают неизменность целей американской политики в регионе: свержение режима Башара Асада в Сирии, приведение к власти в Ираке сил, враждебных Тегерану и Дамаску, максимальное ослабление Ирана и шиитского движения «Хизбалла» в Ливане, а в перспективе продвижение «джихада» к границам России.

В свое время один из авторов настоящей статьи предложил классификацию исламистских НРПО по этапам их эволюции, которые, как представляется, четко маркируют организации разных поколений по степени радикализации их идеологических доктрин и эскалации политической практики насилия, нацеленных на достижение исламистами власти в масштабах анклава, отдельной страны, а также на региональном или даже глобальном уровне. На основании предлагаемого эволюционного подхода были выделены четыре поколения (волны, этапа) в развитии неправительственных религиозно-политических организаций, в результате чего была предложена следующая их типология [4, с. 17-18]:

- *НРПО первого поколения*: египетская «Братья-мусульмане» (БМ), образованная на их базе филиальная сеть в других мусульманских странах, а также организации, отпочковавшиеся от БМ, но придерживающиеся идейных установок «Братьев»;

- *организации второго поколения*, возникшие в ходе борьбы арабов с сионистской экспансией на Ближнем Востоке под влиянием идей «исламской революции» в Иране (например, палестинская «Джихад ислами», ливанская «Хезболлах»);

- *НРПО третьего поколения*, развившиеся в ходе событий в Афганистане, начиная с апреля 1978 г. по настоящее время (наиболее ярким примером выступает религиозно-политическое движение «Талибан»);

структуры последнего, четвертого поколения, представляющие собой международные радикальные исламские группировки, стремящиеся консолидировать, контролировать и управлять практически всеми экстремистскими НРПО «мусульманского мира» (к таким организациям можно отнести «Аль-Каида» и «Мировой фронт джихада», основанные Усамой бен Ладеном).

Безусловно, все современные исламистские НРПО «вышли из шинели» египетских «Братьев-мусульман». Не стала исключением из этого правила и «ДАИШ». Ее идеологическая доктрина заимствована у такфиритов-джихадистов «Аль-Каиды», поскольку основообразующими категориями этой НРПО выступают два особым образом интерпретируемые понятия – такфир (обвинение в «куфре», т.е. неверии) и джихад (священная война за веру) [5]. В этой связи радикальных исламистов нередко называют такфиритами-джихадистами.

Понятие «такфир» базируется на выделении т.н. «врагов ислама», куда по мысли современных теоретиков-исламистов, входят, во-первых, все немусульмане («кафиры» – неверные), а, во-вторых, мусульмане, не разделяющие идеологических взглядов исламистов («муртадун» – отступники от ислама, а также «мунафикун» – лицемеры – т.е. те, кто верит неправильно или неискренне). Что касается концепции джихада, то она, в противовес мусульманской ортодоксии, стала

квалифицироваться исключительно как война с «врагами ислама», причем радикальные исламисты допускают наступательный, инициативный характер этой борьбы.

Так, Айман аз-Завахири, в июне 2011 г., после уничтожения Усамы бен-Ладена, ставший лидером «Аль-Каиды», в своей книге «Аль-Валайя ва-ль-бараа» в связи с агрессией США и их союзников в отношении талибского Афганистана обнародовал своеобразную фетву, в которой говорится о том, что мусульманину запрещено сближаться с кафирами, следует хранить в тайне любые секреты мусульман. Запрещено вести какие-либо дела с кафирами. Запрещено воспринимать какие-либо теории и идеи безбожников. Запрещено помогать кафирам в их войне с мусульманами и как-то оправдывать «крестоносцев». Мусульманам предписано вести джихад с безбожными агрессорами, отступниками и лицемерами (под двумя последними подразумеваются арабские режимы, предоставившие свою территорию для антитеррористической кампании, а также улемы, издающие лживые фетвы, купленные властями) [1, с. 149-150].

В свою очередь, уничтоженный в июне 2006 г. в Ираке лидер местной ячейки «Аль-Каиды» (впоследствии на основе этой организации и возникла «ДАИШ» - И.Д.), иорданский террорист Абу Мусаба аз-Заркави в своей лекции, размещенной на многих сайтах, под заголовком «Вы больше знаете или Аллах?» заявил, что «джихад есть обязательная война против неверных» [1, с. 150-151]. Термин «гражданское население», утверждал аз-Заркави, является «ложным», поскольку ислам не делит людей на гражданских и военных: он знает лишь разделение людей на мусульман и неверных. И если «кровь мусульманина запретна, чтобы он ни делал и где бы ни находился», то «кровь неверного дозволена, чтобы он ни делал и где бы ни находился, если с ним не заключен договор или он не был пощажен».

Аз-Заркави делил людей на три разряда: 1. мусульмане; 2. неверные, мирно относящиеся к исламу, т.е. вошедшие под покровительство (зимма) мусульман, заключившие с ними перемирие (худна) или пользующиеся предоставленной им пощадой (аман); 3. все прочие люди. Последних аз-Заркави объявил «воюющей стороной»: шариат, напоминал он, лишает их защиты и дает мусульманам право убивать их, делая исключение лишь для отдельных категорий (в первую очередь, детей и женщин). На этом основании, считал аз-Заркави, «неверие в Аллаха – достаточное основание для убийства неверного, чтобы он ни делал и где бы ни находился».

Таким образом, усилиями зарубежных, прежде всего египетских исламистских теоретиков, в XX – начале XXI вв. сложилась стройная идеологическая доктрина такфиритов-джихадистов, являющаяся идеологическим обоснованием современного терроризма, прикрывающегося исламским вероучением, а также оправданием жестокой политической практики радикальных исламистов и террористов. Практически все современные радикальные исламистские группировки, включая «ДАИШ», напрямую используют положения именно этой доктрины, а потому говорить об идеологической самостоятельности этой структуры не приходится.

Что касается организационного строения современных НРПО, то история последнего столетия со всей очевидностью свидетельствует, что деятельность организаций религиозно-экстремистского толка нередко зависит от отношения к ним правящих режимов. В условиях разнопланового прессинга и силового давления они, как правило, уходят в подполье, организуясь в децентрализованные сетевые структуры [6]. При благожелательном отношении к ним властей, привлечении их к парламентской и экономической деятельности, они, наоборот, нередко достаточно уверенно интегрируются в политические системы своих стран. Это можно полностью отнести, например, к первой организации такой направленности – египетским «Братьям-мусульманам», основанной шейхом Хасаном аль-Банной в декабре 1928 года, которая временами действовала легально, а порой, например в настоящее время, находилась в подполье.

Следует подчеркнуть, что большинство образовавшихся на идеологической и организационной основе египетских «Братьев-мусульман» многочисленных религиозно-политических экстремистских группировок далеки от интеграции в политические системы своих стран, и ведут неустанную борьбу с режимами «тагутов» (узурпаторов), используя в этих целях все средства, в том числе и террористического характера. Естественно, по таким группировкам власти наносят жестокие удары, вследствие чего они нередко переходят в подполье.

Вместе с тем, в 90-х гг. прошлого века мир стал свидетельством объединительных процессов в радикальном исламистском движении. Экстремисты в тот период времени контролировали Афганистан, Судан и отчасти Чечню, рассчитывали расширить плацдарм своего могущества, все чаще говорили о воссоздании халифата, исламизации мирового пространства и т.д. В 1998 г. им даже удалось создать т.н. «Мировой фронт джихада», под сенью которого произошло объединение

наиболее одиозных экстремистских группировок «исламского мира». Уверенно создавалась иерархическая сетевая структура глобального масштаба, с претензиями на мировое господство, во главе с лидером «Аль-Каиды» того времени – Усамой бен-Ладеном.

Однако после событий 11 сентября 2001 г. и в результате начавшейся антитеррористической кампании под эгидой США повсюду стала фиксироваться децентрализация структур радикальных исламистов. Их отличительной особенностью стала высокая степень адаптации к реалиям современного мира. Хотя и остались действующие строго иерархически группировки, большинство все же получили «размытые» управленческие механизмы, появились структуры, организованные по типу «паучьей сети», а также и полностью независимые.

Сетевой принцип организации дает террористическим группировкам следующие важные возможности:

- *совместимость* транснациональных террористических групп, нелегальных торговцев оружием, транснациональных преступных синдикатов, наркомафии, фундаменталистов, этнонациональных движений, экстремистской идеологии, информационных пиратов, контрабандистов [7, с. 13];
- *высокую скорость* поступления и передачи информации [8, с. 67];
- *единую информационную инфраструктуру*;
- *скорость командования* (сокращение скорости принятия решений) [9, с. 322];
- *«самосинхронизацию»* (возможность действия в автономном режиме);
- *«распределения силы»* (ведение точечных операций; занятие обширного пространства; возможность сосредоточения большого объема силы; усиление взаимодействия.);
- *децентрализацию*;
- *конспиративность*, надежную систему безопасности;
- *глубокую интеграцию* (вовлеченность) элементов системы;
- *подвижность* (трудно уязвимая цель);
- *эффективность использования современных возможностей*;
- *возможность осуществления эффективной деятельности под командованием экстерриториального центра.*

Кроме того, как свидетельствует мировой опыт, децентрализуемые радикальные исламистские структуры обладают повышенными способностями к регенерации, а, кроме того, в их состав постоянно осуществляется приток свежей крови.

В результате, на сегодняшний день, например, «Аль-Каида» представляет собой сеть из плохо связанных друг с другом региональных организаций с ослабленным центральным руководством. Руководство стимулирует отдельные организации на осуществление терактов, порой помогает им деньгами и советами, а также обучает их боевиков таким навыкам, как производство взрывных устройств или бой в городских условиях. Таким образом, о современном террористическом движении сегодня уместнее говорить как о разветвленной децентрализованной сетевой структуре, или даже такого же рода движении. Аналогичное можно сказать и о «ДАИШ»: на контролируемых группировкой территориях наблюдается иерархическое строение ее отрядов. В других случаях, например на Северном Кавказе, где ряд банд бывшего «Имарата Кавказ» присягнули на верность «ИГ», фиксируются исламистские сети. В случае окончательного военного поражения «ДАИШ» в Ираке и Сирии, нет никакого сомнения в том, что, как и «Аль-Каида», эта группировка окончательно станет сетевой, перенесет свою деятельность в глубокое подполье. Отсюда следует, что и в области организационного строительства лидеры «ДАИШ» используют уже наработанные их предшественниками схемы, не привнеся в эту область каких-либо существенных новаций.

Относительно форм и методов осуществления боевиками «ДАИШ» своей практической деятельности, то, как и у других радикальных исламистских группировок, спектр их деятельности достаточно широк: от осуществления т.н. «исламского призыва» (идеолого-пропагандистская и информационная деятельность) – до самых изощренных способов осуществления диверсионно-террористической активности, включая акции самоподрывов (т.н. «шахидизм»). Однако в любом случае можно утверждать, что и в области форм и методов осуществления своей специфической практики активисты и боевики «ДАИШ» не изобрели ничего нового, оригинального по сравнению с практикой их «коллег» в государствах арабского, а шире – мусульманского Востока, но являются потребителями изобретений «первооткрывателей», начиная от «Братьев-мусульман» и вплоть до «Аль-Каиды»,

Финансирование любой террористической группировки представляется крайне существенным вопросом по той причине, что невозможно осуществлять какую-либо деятельность

без наличия денежных средств. Для «ДАИШ» сформированная финансовая система выступает важнейшим системным элементом, в значительной степени определяющим возможности реализации далеко идущих планов по воссозданию т.н. «халифата». В настоящее время финансирование ИГ, его отдельных региональных кластеров, в том числе и северокавказского, является многоканальным. При этом масштабы финансирования, структура его источников и их соотношение пребывают в постоянной динамике.

Однако в каждый момент времени структура финансирования «ДАИШ» и его сторонников может существенно различаться по отдельным контролируемым этой организацией территориям, то же касается и ее зарубежных сетевых структур. При этом, по мере перехода от централизованных структур, что представляется практически неизбежным в случае военных успехов сирийской армии при поддержке ВКС РФ, к полицентрической (сетевой) организации подполья, источники финансирования будут и далее дифференцироваться, дробиться, как и число возможных адресатов данного финансирования.

На сегодняшний день источники финансирования «ДАИШ» могут быть разбиты на две основные группы: внешние и внутренние. К внешним источникам можно отнести поддержку от государств-спонсоров; религиозных учреждений; коммерческих и некоммерческих организаций; индивидов, населения и диаспор; а также разнообразных террористических ячеек. К источникам внутреннего финансирования «ДАИШ» следует причислить доходы, получаемые от добычи и продажи нефти, присвоения денежных средств при захвате банков и других финансовых учреждений, легального и нелегального бизнеса (работоторговля, торговля оружием, наркотиками и т.п.), а также прочие доходы, к которым можно присовокупить помощь богатых террористов, которые могут являться членами террористической организации, а также и рэкет. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что в филиальных сетях «Исламского государства», например в северокавказском регионе России, внутреннее финансирование превалирует над внешними источниками, поскольку ИГ, как и «Аль-Каида», требует от присягнувших ей на верность зарубежных сетевых структур и их ячеек в максимально возможной степени самим обеспечивать собственное финансирование, любыми способами и средствами, в том числе откровенно криминальными.

Итак, в настоящее время реальная структура финансирования «ДАИШ» и его последователей в других странах представляет собой разветвленную сеть, непрерывно меняющую свою географию и структуру, общий объем циркулирующих средств, долевые соотношения различных источников. Однако все эти источники финансово-экономической подпитки радикалов «ИГ» вряд ли следует считать некими новациями, изобретенные активистами «ДАИШ», они были известны и прежде в практике других современных радикальных исламистских групп.

Тем не менее, «ДАИШ» существенно отличается от других структур, заявляющих те же цели и базирующихся на тех же идеологических принципах. Среди таких главных отличий, как представляется, следует выделить следующие:

- Скорость развития группировки (в 2003 г. – «Аль-Каида в Ираке», в 2013 г. – «ДАИШ» («ИГИЛ»), в 2014 г. – «ИГ», захват части территории Ирака и Сирии).

- Масштабность действий («ИГ» была близка к захвату Багдада и Дамаска, объявлению воссоздания «Халифата», распространению своего влияния на территории, некогда входившие в состав Аббасидского халифата).

Создание на контролируемых территориях квазигосударства (признаки: законы, территория, налоговая и денежная система и т.д.).

- Наличие подконтрольных сетевых группировок в Алжире, Афганистане, Египте, Ливане, Ливии, Нигерии, Пакистане, на Северном Кавказе).

- Использование новейших технологий и механизмов идеологической и информационной работы в русле оказания влияния, прежде всего, на молодежь.

Подытоживая вышеизложенное, следует подчеркнуть, что в течение XX – начале XXI вв. в мире появились сотни радикальных исламистских группировок. По нашему мнению, наиболее масштабными из них являются три: «Братья-мусульмане», располагающие своими структурами во многих странах, «Аль-Каида», создавшая в различных регионах мира сетевые кластеры, и, конечно, «ДАИШ», достигшая своеобразных «успехов» в деле строительства «Халифата». Однако, не без внешних инспираций, возбуждение «мусульманского мира» продолжает набирать обороты. Отсюда следует, что говорить об упадке и стагнации радикального исламистского движения даже на среднесрочную перспективу преждевременно.

Литература

1. *Добаев И.П.* Радикализация ислама в современной России. – М. – Ростов н/Д.: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2014.
2. *Добаев И.П.* Черноморско-Каспийский регион в фокусе стратегических интересов мировых держав // Ориентир. 2015. № 12.
3. *Добаев И.П., Добаев А.И., Немчина В.И.* Геополитика и терроризм эпохи постмодерна. – Ростов н/Д.: Изд-во Южного федерального университета, 2015.
4. *Добаев И.П.* Политические институты исламского мира: идеология и практика. – Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2001.
5. *Игнатенко А.А.* Эндогенный радикализм в исламе // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 2 (8).
6. *Анисимова Н.А., Добаев И.П.* Сетевые структуры террористов на Северном Кавказе / Под ред. Добаева И.П. – М. – Ростов-на-Дону: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2016. – 143 с.
7. *Бедрицкий А.В.* Эволюция американской концепции информационной войны / Аналитические записки РИСИ. – М.: Изд-во РИСИ, 2003. № 3.
8. *Бедрицкий А.В.* Реализация концепции сетевой войны в ведущих странах Запада. – М.: Изд-во РИСИ, 2005. № 3.
9. *Дугин А.Г.* Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века. – СПб.: Амфора, 2007.

Dobayev Igor Prokopyevich, Doctor of Philosophy, professor, expert of the Russian Academy of Sciences; Southern Federal University (160, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation).
E-mail: dobaev@gmail.com

Dobaev Andrei Igorevich, Candidate of Economic Sciences, expert of the Center of regional researches of Institute of sociology and regional studies; Southern Federal University (160, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation).
E-mail: andrros@gmail.com

**"ISLAMIC STATE": IDEOLOGY, STRUCTURE, POLITICAL PRACTICE,
THE FINANCING CHANNELS**

Abstract

The article presents the main reasons for the emergence and development of a radical Islamist group, which has become widely known as the "Islamic state" (ISIS). The basic ideological constructs of ISIS and its structure, in the context of global and regional goals have been found out, original political practice had been specified, as well as the channels of economic assistance. As a result, one can conclude that in all these parameters ISIS leaders have not developed anything new, original, that distinguishes them from the representatives of other contemporary extremist organizations, ranging from the Egyptian "Muslim Brotherhood" and ending with "al-Qaeda".

Keywords: *Islamic state, Islamism, Radicalism, Extremism, Terrorism, Takfir, Jihad.*